

ТЕАТР СВЕТЛОГО НАЧАЛА

В Челябинске завершились гастроли театра «Буратино»

Столько много спектаклей привез в Челябинск впервые лауреат премии челябинского комсомола «Орленок», магнитогорский театр куклы и актера «Буратино» (главный режиссер В. Шрайман, главный художник М. Борнштейн). Это «Дом, который построил Свифт» Г. Горина, «Дракона» Е. Шварца, «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, «Мы одной крови—ты и я» по Р. Киплингу, «Золоченые лбы» Б. Шергина, а кроме них еще и три детских спектакля—«Аленушка и солдат» В. Лифшица и И. Кичанова, «Яйцо» Б. Априлова, «Хочу быть большим» Г. Сапгира. Жаль, конечно, что не увидели мы ни «Театра времен Нерона и Сенеки» Э. Радзинского, ни «Тот самый Мюнхгаузен» Г. Горина. Но и того, что представлено, достаточно, чтобы составить полное представление об идейном и нравственном кредо театра.

Можно утверждать, что это театр подлинно гуманистического, светлого начала, даже если и говорит о временах мрачных и жестоких. Пожалуй, только одна постановка—«Смерть Тарелкина» стоит тут особняком.

«Золоченые лбы» и «Аленушка и солдат», показанные в один вечер взрослому зрителю, стали двумя отделениями одного фольклорного спектакля. Первый, основанный на материале, собранном в Архангельской области, представлял ту разновидность фольклора, где без особой смысловой необходимости накладываются на сюжетную нить неправдоподобный вымысел и реальность, прошлое и настоящее, смешное—с отнюдь не веселым... Злая и лукавая небылицы про глухих царя и царичу и хитрого мужика Калитюшку мало чем отличаются от подобного рода сказов. Но при любом отношении к ней видно, что привычное здесь смешение возможного и невозможного, очень зыбкая граница между желаемым и действительным являются эффективным приемом в гротескном раскрытии уродства социальных отношений. Неистребимой оказывается духовная выживаемость народа, сам смех которого, по виду

бесхитростный и наивный, облекается оружием сатиры: «Разве нищие не пляшут? Разве песен не поют? Разве по миру не ходят? Разве им не подадут?».

В спектакле с новой стороны освещен талант Е. Терлецкого, уникального актера, способного перевоплощаться в любой образ. Здесь он выступает и как режиссер, умеющий раскрыть достоинство каждого артиста.

Оформление этого спектакля весьма оригинально: над сценой, возвышаясь над куклами и актерами, как бы и людей превращая в персонажи действия,—огромная фигура старухи-сказительницы. И когда начинается ее небылицы, бутафорное лицо оживает, морщины приходят в движение, складываются в лукавую усмешку, и непонятно, над чем смеются эти все на свете поводящие глаза—то ли над простотой царя, то ли над легковерием слушателей...

Второй спектакль—«Аленушка и солдат» тоже основан на фольклорном материале—сказе о том, как солдат Иван Змел Горыныча перехитрил. Зрители всех возрастов нашли в нем что-то созвучное себе. Спектакль очень добрый, полный легкого юмора, а простые деревянные куклы в руках кукловодов неожиданно обретают точную эмоциональную выразительность.

Магнитогорский театр куклы и актера—театр синтетический, включающий в арсенал средств воздействия приемы и драматического искусства, и чисто кукольного. Сочетание тех и иных определяет специфику каждого спектакля, набор только ему одному присущих средств выразительности. Одни спектакли, преимущественно детские, используют во всех сценах кукол, в то же время оставляя место актеру, особенно там, где высказывается живая душа. Несколько минут длится эпизод с Чудищем Шестиглавым, который проводят Е. Терлецкий и В. Мильнер. Но сколько бы потеял спектакль, не будь этой блестяще разыгранной шутки! В других спектаклях

кукол в обычном их понимании нет, как, например, в «Драконе», где используются стоящие или сидящие манекены, а два воплощения Дракона—в черном мундире или в облике дряхлого, омерзительного, ждущего теплой крови вампира—настолько страшны, настолько наполнены смыслом, что назвать их куклами просто невозможно. Это, мне кажется, одна из лучших работ М. Борнштейна. В «Доме, который построил Свифт», успешно «работает» маска, а в сценах с липпутами или заседанием опекунского совета использовано очень интересное решение, когда мы видим только лицо, руки актера и тело куклы—все остальное теряется из виду. Впечатление, что перед тобой действительно живые фигурки. В спектакле «Мы одной крови—ты и я» есть только стилизованные костюмы и пластика движений, передающих характерную завинченную статую.

Но как бы ни были бесконечно разнообразны и выразительны приемы синтетического театра, Магнитогорский театр куклы и актера никогда чрезмерно не увлекается ими, никогда не теряет из виду своих целей—донести до собеседника сокровенное, выходящее понимание искусства. Так уж само собой получается в этом театре, что зритель становится собеседником—его не увлекают дешевым блеском, ложной многозначностью, не требуют для себя скидок из-за сложности выбранной темы. Там все просто, скромно, подчинено глубокой режиссерской мысли и тонкому вкусу и исполнено на высоком артистическом уровне, как будто это не стоит никаких усилий. Бесспорно, высокие достижения художников, оформителей, осветителей, механиков, звукоинженеров, и хотя подразумевается, что так и должно быть всегда в хорошем театре, не сказать об этом нельзя.

Удивительно, как, берясь за темы, далекие от нас и по времени, и по месту, театр умеет говорить о сегодняшнем, говорить смело, не теряя мужества, не боясь быть непоня-

тым, не заботясь о конъюнктуре—искренне, честно, художественно. Мы становимся свидетелями величия и несчастья Джонатана Свифта, человека, опередившего свое время и окруженного стеной непонимания и ненависти, но мы замечаем и другое: опасность снижения, осреднения, выравнивания помыслов и возможностей, потому что великан прежде всего думает о стране, обыватель же—только о своем благополучии. «Дом, который построил Свифт», где «все умирают и не умирает никто»,—это не просто дом, где царит и разыгрывается вымысел, и даже не «Дом-музей Джонатана Свифта», вывеска которого вынесена на авансцену,—это дом, в котором нужно стать гражданином. По крайней мере, осознать свой долг сделать это. Таков театр, который не прибегая ни к каким особым эффектам, заставляет почувствовать не исторически существовавшее лицо, а живого Свифта, как если бы это мы сидели у окна в сад, где шумел ливень, где бродили ставшие воспоминаниями дорогие люди, на которое заглядывали бы тупые, злобные лица, на которых никогда не отразится даже проблеск мысли... Никаких особых приемов, а ты понимаешь: назначение человека—быть гражданином. И иного просто не может быть, если ты—человек.

Совершенно разные по стилю, ни в одной точке сюжетных линий не пересекающиеся спектакли «Дом...» и «Дракона», а мысль о необходимости противостояния злу, о всемогущей изворотливости зла и все-таки о победе над ним человеческого духа—эти мысли появляются неизменно... А если это так, то перед нами театр, который знает, что говорит. Когда в «Драконе» на сцене появляется Ланцелот (В. Шрайман), возникает ощущение диссонанса с тем, к чему мы привыкли: герой, сокрушитель зла—и никакой победительной позы, никакой самоотдачи, чуть ли не буднично, слишком спокойно... Слишком устал? Потом понимаешь, что иним он не может быть, этот профессиональный герой и победитель, израненный в

боях, трижды поражаемый насмерть, и именно теми, кого он спасал. Все было для него десятки раз: он появлялся там, где был нужен, умирал и снова воскресал, чтобы карать зло. И—побеждал. Самого коварного врага—неверие в людей, ради которых это все делалось. Это и было самым трудным—бороться за них самих, потому что в их искалеченных душах и царит та среда, в которой произрастает зло. Подобно врачезателю, который знает, что без него пациенты обречены (любви не любви, а дело делать надо), усталый Ланцелот (не вечный герой, но вечный труженик) будет подниматься на свою нескончаемую войну со злом... Таким предстает этот образ в финале.

Жаль, что время гастролей подошло к концу. С магнитогорским театром прощаться не хочется. Мы успели оценить многих талантливых актеров, порадоваться их мастерству и их молодости.

Как всегда, не все благополучно было с рекламой. Была выбрана, по-моему, не лучшая сцена: хотя зрительный зал Гипромеза очень уютен, все же такой театр достоин, чтобы его узнало большее число зрителей. Как всегда, часть билетов доставалась не тем, кто жаждал попасть на спектакль (люди спрашивали лишние билеты, а в зале оставались пустые места). Кассы по продаже билетов, хотя бы перед началом спектакля, организовано при Гипромезе не было, а это не принесло пользы ни театру, ни зрителям. Не знаю, должны ли представители театра стирать пыль в помещениях, которые они арендуют, но магнитогорцы делали и это.

Но все это забудется, а будет еще долго вспоминаться символический барабан—сердце из спектакля о Маугли, который бился созвучно нашим сердцам, и голос в финале: «Мы с тобою одной крови—ты и я», выразивший мысль о том, как близок стал театр сердцам зрителей. И потому мы будем ждать новой встречи.

Л. ЦИНГУЕВА.